
СВЯЗЬ ВРЕМЕН. СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ. СОДЕРЖАНИЕ И ИТОГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В силу ряда объективных и субъективных факторов развития России Русская революция 1917 г. развивалась как противоречивый процесс сочетания несочетаемого. Практика революционных преобразований в СССР стала для автора основанием для верификации целей, задач, средств и движущих сил революции, а также объективной оценки столетних усилий и итогов по изменению способа социальной жизнедеятельности российского социума. Выявлены основные социальные факторы и материально-технические условия, предопределившие особенности и трагический характер Русской революции XX в., дана оценка ее исторической значимости.

***Ключевые слова:** революция, социум, партия, идеология, марксизм, эволюция, капитализм, социализм, сочетание несочетаемого.*

Сергей Есенин, описывая свою растерянность в начале Русской революции, обусловленную непониманием существа «новой жизни» и того, «куда несет нас рок событий», обращает внимание на неспособность людей адекватно осмысливать то, что является для них постоянно меняющейся повседневностью, «развороченным бурей бытом». Он находит поэтически точнейшую констатацию: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье» (см.: Есенин 1969). Эта эвристическая особенность непонимания исторической значимости текущего момента обуславливает не только трагичность бытия конкретных людей, включенных в гло-

бальный процесс коренной исторической трансформации, но и множественность интерпретаций конкретных исторических событий, свидетелями которых становятся сами эти люди. Каждый конкретный человек является очевидцем и участником не только целостного революционного процесса, но и бесконечного множества отдельных специфических, порой довольно локальных, непредсказуемых и неоднозначных частных событий. Сквозь этот опыт преломляется и их видение целого. Не случайно существует бесконечное множество различных интерпретаций и толкований конкретных исторических событий, их общей оценки, понимания их исторической значимости. Эти особенности осмысления революционных эпох свойственны и попыткам отражения подобных событий в теоретических исследованиях.

Даже по прошествии 100 лет после начала русской революции 1917 г. не удалось выработать целостную объективную научную трактовку этих событий. И это притом, что, казалось бы, современные исследователи располагают практически необозримым объемом свидетельств современников подготовки, инициации и осуществления этой революции, ее участников по разные стороны баррикад, ее отстраненных наблюдателей как внутри страны, так и за ее рубежами. Такие свидетельства оставили представители всех слоев населения: лидеры и вожди революции, их ближайшее окружение, политические и государственные деятели, простые граждане, ее защитники и противники, жертвы и палачи. Существует бесконечное множество теоретических исследований названных событий, выполненных как отечественными исследователями, оставшимися в бывшем СССР, так и эмигрировавшими за рубеж, и собственно иностранными специалистами. Эти исследования осуществлялись представителями разных конкретных наук, философских, идеологических и мировоззренческих ориентаций, работавших практически во всех странах мира.

Такое положение по большому счету определяется рядом особенностей, свойственных самому процессу революционных трансформаций социального организма, процессов, определяющих вектор развития социальной формы движения на планете и в целом эволюцию планетарного социоприродного Универсума, проявлением чего стала Русская революция, начавшаяся в 1917 г. Практика эмпирических обобщений позволяет судить, что подобные потрясения не осуществляются в ходе одномоментного акта, а происхо-

дят в течение многих десятилетий путем глубоких трансформаций разных сторон социальных систем, которым присущи радикальные поступательные и регрессивные движения. Такими были Английская и Французская буржуазные революции и социальные потрясения в других странах.

Главной особенностью Русской революции является ее незавершенность. Эта революция все еще пребывает в процессе своего глобального развития – становления социального способа жизнедеятельности, провозглашенного ее лидерами, теоретиками пролетарской революции. На решение этой задачи построения новой формы социальности были направлены усилия нескольких поколений граждан страны.

Как известно, адекватное отражение и оценку любого события можно считать научными лишь при условии, что само явление обрело завершённую, зрелую форму во всей тотальности своих проявлений. Исследователи прошлых десятилетий и современники Русской революции не в состоянии были дать ей объективную теоретическую оценку, поскольку принадлежали к прежнему типу социальности. Этот прежний этап бытия социальной формы движения был охарактеризован К. Марксом как «предыстория человечества», в пределах которого жизнедеятельность социальных организмов осуществляется как стихийный естественно-исторический процесс. Важнейшая характеристика обществ на этом этапе – господство различных форм частной собственности, классовое деление, эксплуатация человека человеком. Человек в подобных социумах является средством, а не целью жизнедеятельности общества, развитие социальной формы бытия не достигает своей зрелости, не способно обеспечить свое безграничное существование в пространстве и времени. Эпоха предистории характеризуется социальным неравенством, дифференциацией экономических интересов, а следовательно, и разнообразным отражением их в идеологических установках различных социальных классов, групп и слоев. Эти идеологические ориентации обуславливают весь спектр интерпретаций и оценок реальных событий. В таком обществе в принципе не может быть объективной социальной науки – социальное знание всегда идеологически ангажировано. Вот почему даже малейшие подвижки, связанные с трансформацией политических режимов, соотношением социальных страт и в целом – социальной эволюции того или иного социума, сопровождаются переписыванием их ис-

тории, изменением толкования и оценки исторических событий, роли их организаторов и исполнителей. Суть подобной ситуации верно отражает сентенция В. П. Эфроимсона: «Горе побежденному, ибо его историю напишет враг» (Эфроимсон 2002: 11).

Идеологически ангажированные социальные теории, не отвечая критериям научности, по существу остаются на уровне мифологической интерпретации изучаемого, где воображаемое представление выдается за реальность. Поэтому все существующие в настоящее время теоретические исследования русской истории по большому счету несут в себе существенный заряд мифологии. Не стал исключением и советский миф об Октябрьской социалистической революции, несмотря на то, что некоторые «пролетарские» теоретики усердно доказывали, что именно марксистская трактовка исторического процесса в русле идеологии рабочего класса, заинтересованного в освобождении всего человечества и построении бесклассового общества, является подлинной наукой, объективно отражающей движение социальной материи.

В настоящее время в результате регрессивного переворота в 1990-е гг. мы вступили в очередной этап Русской революции, сопровождающийся современным мифотворчеством – попытками нового толкования не только событий предшествующего ее этапа, но и всей ее предыстории. Это выразилось в смене памятников, издании новых учебников истории, в новых акцентах художественного творчества (литературы, изобразительного искусства и пр.).

В последнее время, однако, появился ряд факторов, позволяющих надеяться на более объективное осмысление сущности и содержания Русской революции и оценку ее исторической значимости в бытии российского социума и человечества в целом. Сто лет исследований Русской революции и развития человечества, анализ новых трендов эволюции постиндустриальной цивилизации позволили не только накопить громадный фактический материал и выявить минусы и плюсы прежних теоретических концепций. Изучение альтернатив развития человечества и планетарного социоприродного Универсума в целом, отражающегося в становлении новой мировоззренческой парадигмы, позволяет взглянуть на существо Русской революции в контексте новейших глобальных мегатрендов. Адекватное понимание реальных исторических событий возможно только в контексте его прошлого, настоящего и будущего. Многие теоретические представления в течение века подверглись

суровой верификации. Сегодня мы лучше, чем когда-либо прежде, представляем сценарии будущего бытия человечества. Это позволяет четче систематизировать и адекватнее интерпретировать реальные факты, избегать идеологически мотивированного произвола, искажающего целостную картину.

Особую роль в адекватной трактовке Русской революции должна сыграть философия истории. В отличие от собственно истории, изучающей только прошлое вне связи с будущим, не знающей сослагательного наклонения, не рассматривающей возможных вариантов исторических процессов и смотрящей на прошлое из настоящего, поле зрения философии истории является более широким. Представление не только о настоящем, но и о возможном будущем существенным образом расширяет объект философско-исторического исследования. Настоящее изучается философией истории как момент между прошлым и будущим. Прошлое и настоящее рассматривается сквозь призму будущего. Погружая исторические события в широкий контекст социальных исследований, философия истории очищает их от исторических случайностей, вычленяет важное из бесконечного множества второстепенных событий и мнений, выявляет генеральную линию развития социальной формы движения и позволяет раскрыть место конкретных исторически важных событий на шкале эволюции человечества. Бесспорно данное утверждение: «Конструкции философии истории – это всегда идеализации, или образцы, но образцы, сопоставление с которыми реальных событий и их последовательностей позволяет яснее понять суть последних» (Ивин 1997: 6).

Учитывая сказанное, попробуем проанализировать, каковы исходные условия Русской революции, ее движущие силы, цели и результаты, полученные к настоящему времени. Оценка этих факторов революции вызывает горячие споры, однако вместе с тем позволяет довольно ясно представить общую картину произошедших событий.

В последний (1913-й) год мирного развития Российской империи она представляла собой самую большую по территории страну мира с быстро растущим населением, самым высоким в мире темпом прироста ВВП и интенсивным приростом промышленного производства, сосредоточенного в основном в четырех промышленных центрах – Москве, Петербурге, на юге страны и на Урале. При этом в целом она занимала четвертое место в мире по уровню

валового производства. Вместе с тем доля промышленных рабочих в море сельского населения составляла незначительный по численности объем – всего несколько процентов населения. Острейшие экономические, политические и социальные проблемы страны были обусловлены низким уровнем жизни и образования подавляющего числа ее граждан, а также политической и социальной организованности, высокой степенью и рутинными формами эксплуатации, непоследовательностью социальных преобразований. Начало им положили отмена крепостного права в 1861 г. и последующие реформы (земская, политическая), а также формирование в стране крупной индустрии в логике догоняющей модернизации.

Поражение России в Первой мировой войне обострило все накопленные в обществе проблемы и явно продемонстрировало не только отставание нашей страны от многих участников конфликта в техническом оснащении и кадровом обеспечении армии грамотными воинами, но и экономическую и социальную незрелость бытия российского социума. Революция – коренное изменение социального способа бытия общества – стала неотложной задачей дальнейшего существования и развития России.

К этому времени в обществе появилось довольно много политических партий, движений и союзов разной социальной ориентации. Однако эти партии были малочисленными. Среди них не было какой-то одной доминирующей, с подавляющим большинством сторонников ее программных целей переустройства общества, способной возглавить и организовать революционный процесс. Поэтому когда в результате стихийного бунта жителей и гарнизона столицы зашатался и почти бескровно рухнул изживший себя царский режим, власть подхватили те, кто был к ней ближе и так или иначе входил в прежние властные структуры – представители буржуазных партий (октябристы и кадеты). Исходя прежде всего из своих экономических и политических интересов и с определенной оглядкой на недовольство масс, они начали проводить буржуазно-демократические реформы, которые в сложных условиях функционирования российского социума еще больше обострили существующие трудности. Нарастало недовольство подавляющего большинства населения, актуализировались требования радикализации всех социальных преобразований. Все завершилось Октябрьским переворотом. К власти пришли левые, наиболее радикальные партии:

эсеры, меньшевики и большевики, ориентированные на идею построения социалистического общества. Они в яростной борьбе между собой с помощью жесткой диктатуры стали воплощать в жизнь свои довольно примитивные представления о социализме. Однако в силу объективных условий развития общества реальность вносила существенные коррективы в их намерения. В результате Русская революция обрела образ некоего кентавра – феномена, в коем сосуществовали несовместимые компоненты единого целого: «сочетание несочетаемого», по емкой метафоре Жана Тощенко (2011), что и определило ее своеобразие и трагический ход ее развития.

В чем конкретно проявился *кентавризм** Русской революции?

В силу особенностей исторического развития процесс индустриализации России начался примерно на столетие позже, чем в развитых странах Европы. Благодаря заимствованиям технико-технологических достижений промышленной революции в России быстро развивались анклавы крупного индустриального производства с высокой концентрацией промышленного пролетариата и характерными для капитализма формами эксплуатации. В начале XX в. капитализм в России показал все свои преимущества и недостатки, которые на заре промышленной революции в Европе отмечали еще славянофилы, а затем и народники. Их идеи о неприемлемости для России капиталистического пути развития со всеми его язвами подхватили социалисты, взявшие на вооружение теорию социальной революции К. Маркса: построение с опорой на диктатуру пролетариата социалистического общества, в котором нет **частной** собственности, эксплуатации человека человеком, где власть принадлежит трудовому народу и обеспечивает его процветание. Фактически большевики, взявшие власть в стране, провозгласили программу построения социализма, что наметило форсированный переход российского социума на новый уровень социально-экономического развития, минуя период полномасштабного становления и функционирования зрелой формы капиталистического способа производства – буржуазной общественно-экономической формации.

---

* Кентавризм – термин, введенный в социальные науки в контексте рефлексии на работы Ж. Т. Тощенко последних лет. В частности, этот термин использует Борис Докторов (см.: Докторов 2015; Титаренко 2013).

Кентавризм Русской революции проявился и в несочетаемости революционных теорий К. Маркса и большевиков. В самых общих чертах Маркс полагал, что пролетарская революция может победить в стране развитого капитализма, где созданы материально-технические условия нового способа общественного производства, но только когда она будет поддержана мировым пролетариатом и революциями в других странах. Для этого и создавался Коммунистический интернационал – международная организация, объединяющая пролетариев всех стран, нацеленных на отрицание капитализма и создание нового общества. Маркс считал, что, кроме подготовки материально-технической базы, в буржуазном обществе должен был созреть и субъект революции – промышленный пролетариат, готовый не только взять власть путем ниспровержения буржуазного государства, но и организовать строительство нового общества согласно научно разработанной теории становления и развития новой общественно-экономической формации. Поскольку социальная революция перехода к социализму и коммунизму, в отличие от прежних бунтов («кровавых и беспощадных»), может быть только процессом сознательного творчества масс, опирающегося на научную теорию, то субъектом революции мог быть высокообразованный и культурный слой населения, владеющий теорией и имеющий практический опыт организации и управления обществом.

Революционеры социалистической ориентации, включая большевиков, видели, что в России все эти условия отсутствовали. На первых порах в обществе шли дискуссии о методах и темпах революционных преобразований, в конце концов возобладала большевистская теория и стратегия революции. Ленин считал: поскольку власть оказалась у большевиков, они должны максимально воспользоваться этим для достижения конечной цели, попутно решая проблемы социального, экономического, политического и культурного развития (индустриализации, достижения всеобщей грамотности, демократизации общества и создания органов самоуправления, приоритетного развития промышленного производства и роста промышленного рабочего класса). Революция должна была стать перманентной, решающей одновременно задачи как буржуазного, так и социалистического этапа общественной трансформации. Для того чтобы преодолеть международную изоляцию революционной страны, выдвигалась задача экспорта революции в страны, где для

социалистических революций еще не вполне созрели необходимые условия. Такая стратегия осуществлялась вплоть до 1990-х гг., что реально вступало в определенное противоречие с Марксовой теорией, отрицавшей экспорт революции и предполагавшей, что революция может быть только следствием обострения противоречий между трудом и капиталом в определенной стране, где созрели все необходимые и достаточные условия для революционного преобразования конкретного общества.

Трагическая судьба Русской революции была во многом обусловлена тем, что с самого начала большевики оказались в ситуации, предсказанной основоположниками марксизма: трагедия радикальной революционной партии состоит в том, что, вопреки намерениям, на деле ей приходится доделывать то, что должно было быть осуществлено на предшествующем этапе развития общества. И осуществлять это партии приходится способами, сходными с теми, которые применялись ее историческими предшественниками. Иными словами, ей приходится делать то, что ранее ею осуждалось.

Что из этого вышло?

К началу революции и в ходе ее развития численность промышленного пролетариата оставалась весьма незначительной в общей массе трудящегося населения, которое в подавляющем большинстве было малограмотно или вовсе безграмотно. С таким уровнем образования люди практически не могли понять и усвоить диалектику революции и организовать ее теоретически обоснованное осуществление. У людей «от станка» практически не было времени и возможности для освоения теоретического знания. Они могли воспринимать только идеологически отработанные лозунги без их критического осмысления и участвовать в революции как массы, манипулируемые вождями. То же положение было и в правящей партии. Ленин в свое время сетовал на то, что лишь малая часть революционеров знакома с теоретическими работами Маркса и Энгельса. В 1930-е гг. образование около 70 % секретарей городских партийных организаций составляло 2–4 класса церковно-приходской школы (Солонин 2005: 404). В ходе партийных чисток и сталинских репрессий старая ленинская гвардия, которая была хоть как-то теоретически подкована, оказалась практически уничтожена и отстранена от власти. Марксова теория была практически неведома всем генеральным секретарям КПСС и членам полит-

бюро. Они не проявляли интереса и не были способны к творческому применению уже известного, а тем более к осознанию и осмыслению новых сложных проблем развития революции. Партия и ее руководители действовали согласно сформировавшимся в начале революции идеологическим клише, которые в свою очередь были оковами для творческого развития не только марксизма, но и социальных наук в целом. Теории, создаваемые советскими социальными науками, не отражали действительность. Сложилась парадоксальная ситуация: под теорией Маркса «понимают все что угодно, но только не саму философию Карла Маркса» (Кондрашов 2014: 16; см. также: Вудс, Грант 2015: 26), и критика Маркса во многом была не чем иным, как критикой того, что ему приписывалось самими критиками. Не зря после почти 80 лет строительства социализма в СССР генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявлял: «Мы не знаем общество, в котором живем». Не были готовы к творческой организаторской, партийной, хозяйственной и культурной деятельности государственные и партийные чиновники. Они действовали согласно спущенным сверху директивам. Со времен И. В. Сталина сохранялась традиция «ручного управления» вождем государства и партии многими сугубо частными проблемами хозяйственной, партийной и культурной жизни.

Страна оказалась культурно и цивилизационно совершенно неподготовленной к принятию научной теории социализма и ассимилировала ее в виде идеологических иллюзий (Раскин 2010: 315), а субъективный фактор Русской революции оказался не соответствующим требованиям, необходимым для практической реализации идеи становления нового – более высокого в сравнении с капитализмом – общественного способа производства. Говоря словами П. Б. Струве, обнищание и социально-политическая зрелость рабочего класса, которая должна была сделать его способным произвести самый величественный из всех возможных переворотов, просто исключали друг друга (Струве 2000).

Другим проявлением кентавризма можно считать несочетаемость уровня развития производительных сил общества с провозглашенным социальным строем, нарушение закона соответствия характера общественных отношений уровню развития производительных сил. Русская революция произошла в аграрной крестьянской стране, где только зарождалось индустриальное производство, основанное на использовании адекватных капитализму материаль-

ных производительных сил – системе механических машин. В силу слабого развития подобных средств производства в стране сохранялись структуры докапиталистического способа производства и только создавались материальные предпосылки становления буржуазного общественного способа производства. Первоочередной задачей в стране была полномасштабная буржуазная революция, содержанием которой должно было быть проведение индустриализации и становление соответствующих буржуазных социально-экономических отношений, развитие рынка товарно-денежных отношений, становление соответствующей классовой структуры общества, политических партий, повышение образовательного уровня рабочей силы и общего культурного уровня населения. По мысли К. Маркса, только достаточно высокий уровень зрелости капитализма мог служить необходимой основой для начала социалистических социально-экономических преобразований. Таких предпосылок в России не было. Без них построить социализм было невозможно. Большевики после первых попыток введения социализма путем его простого провозглашения, попыток построить социализм на принципах равенства распределения во времена военного коммунизма или возрождения мелкого крестьянского хозяйства в период нэпа поняли, что без ускоренной индустриализации нельзя не только построить социализм, но и удержать власть. Сталин полагал, что Советская Россия на 50–100 лет отстала в своем техническом развитии от Запада, и если не осуществить технико-технологическое перевооружение страны в кратчайшие сроки, то она будет раздавлена. Об этом постоянно твердил и оппонент Сталина Л. Д. Троцкий, который полагал: чем дольше пролетарское государство будет оставаться во вражеском окружении, тем больше вероятность, что оно будет задушено военной или экономической мощью мирового капитализма (Троцкий 1933: 41). Большевикам пришлось в короткие сроки осуществлять индустриализацию, которая на Западе разворачивалась в течение столетия. Это обусловило методы ее осуществления.

Несмотря на провозглашение идеи возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, стремление разорвать вражескую блокаду было одной из приоритетных задач Советского государства. На протяжении всей истории его существования оно постоянно находилось в состоянии холодной войны, гонки вооружений, мелких военных конфликтов и крупномасштабных войн на своей территории и за ее рубежами, поддерживало национально-

освободительные революционные войны и движения, своих сателлитов, часто принимавших социалистическую ориентацию в силу присутствия на их территории советских войск (страны СЭВ). Советские войска принимали участие в подавлении антисоветских выступлений как в стране, так и за рубежом (Венгрия, Чехословакия). Эта деятельность сопровождалась отвлечением колоссальных финансовых, людских и материальных ресурсов от потребностей развития своей экономики, технико-технологической модернизации и повышения уровня благосостояния собственных граждан, решения проблем социального и культурного развития страны. Все это негативно сказывалось на имидже социализма в мировом окружении и вызывало недовольство внутри СССР.

По причине отсутствия необходимых материальных, людских и интеллектуальных ресурсов индустриализация, создание соответствующих социалистических производственных и экономических отношений проводилось методами, далекими от провозглашаемых в теории. Соответствующая индустриальному производству социальная структура общества создавалась путем раскрестьянивания основной массы населения, провозглашения зажиточного крестьянства врагами революции и их массовой высылки в лагеря ГУЛАГа, где они наряду с другими подлинными и мнимыми «врагами революции» низводились до рабского положения, а их дешевый труд использовался в целях ускоренной индустриальной модернизации. С той же целью оставшиеся крестьяне не получали паспортов и оказывались, подобно крепостным, привязанными к земле и определенному месту жительства, получая мизерную плату по трудодням. Особо важные научно-технические исследования и разработки велись в так называемых «шарашках», хотя и организованных по типу НИИ, но основанных на принципах административного принуждения к труду. Миллионы людей были организованы в трудовые армии, которые вместе с военнослужащими использовались в гражданских целях производства, получая за это лишь паек и обмундирование. Подобные формы организации и использования труда были не только далеки от социалистических идеалов труда свободных граждан, но и более похожи на добуржуазные формы эксплуатации человека. Высока была и степень эксплуатации труда остальных граждан, получавших существенно более низкую заработную плату, чем за этот же труд получали люди в буржуазных

странах, и уровень их благосостояния трудно было сопоставить с таковым в США и Европе.

Однако специфика СССР не ограничивалась сталинщиной, ГУЛАГом и тоталитаризмом. Наряду с этим присутствовал и массовый трудовой энтузиазм на великих стройках пятилеток, при освоении целины, строительстве БАМа и на других комсомольских стройках; имело место массовое движение изобретателей и рационализаторов, стахановцев, студенческих отрядов и др. Потребности ускоренной индустриализации требовали восстановления и существенного увеличения научного, инженерного и общеобразовательного потенциала. С этой целью в СССР была ликвидирована безграмотность, введено обязательное среднее образование, созданы система профессионального среднего и высшего образования, отраслевые и академические научно-исследовательские институты. После полета человека в космос мир признал советскую систему образования лучшей, а лидирующие страны Запада стали интенсивно реформировать свою, опасаясь проиграть в технико-технологическом соревновании с СССР. В стране имелись и колоссальные социальные достижения. Правящая партия в целях обеспечения народной поддержки и согласно идеологическим требованиям создания более передового в сравнении с капитализмом способа жизнедеятельности прилагала усилия для развития бесплатного образования и медицинского обслуживания, создания молодежных общественно-патриотических организаций и движений, социальной защиты пожилых людей, укрепления профсоюзов, организации спорта и отдыха, детских дошкольных учреждений.

Невзирая на «сочетание несочетаемого», Страна Советов в короткий срок стала индустриальной и второй в мире сверхдержавой, разгромившей в небывалой войне врагов, опиравшихся на индустриальную мощь почти всей Европы и большей части Азии, обеспечила ядерный паритет и тем самым практически создала условия для предотвращения масштабных кровавых войн. Советский Союз стал пионером в освоении космического пространства, создал передовую космическую промышленность, запустил первую атомную электростанцию и построил атомный ледокольный и военный флот, стал одним из самых крупных экспортёров военной и гражданской промышленной продукции. Страна Советов не только восстановилась территориально в границах распавшейся Российской империи начала XX в., но и отвоевала ранее потерянные террито-

рии, значительно расширив сферу своего политического и экономического влияния и создав буфер из дружественных стран-сателлитов на своих границах, чем существенно усилила свою безопасность. Она оказывала крупномасштабную научную, финансовую и материальную поддержку большому количеству развивающихся стран практически на всех континентах. За короткий исторический срок «Россия лапотная» стала космической державой.

Однако эти достижения в конечном счете оказались недостаточными в экономическом соревновании с капиталистической мировой системой, в ходе которого наметилось хроническое отставание. Данное отставание обуславливалось сложившейся еще в начале революции стратегией обеспечения выживания и развития Советского государства.

Эта стратегия определялась тем, что важнейшим условием победы революции и сохранения советской власти была скорейшая индустриализация, без которой нельзя было сохранить целостность страны, отстоять ее суверенитет, а также обеспечить приемлемый уровень жизни населения, который бы гарантировал внутреннюю стабильность и прочность политического режима. Без этого не было условий для построения собственно социализма. В целом на осуществлении индустриализации были сосредоточены основное внимание и усилия правящей партии. В СССР, ставшем уже в 1960–1980-е гг. индустриальной державой, имеющей мощную материально-техническую базу, адекватную зрелому капиталистическому обществу, ориентация на дальнейшую индустриализацию по-прежнему оставалась приоритетной. Продолжала работать идеологическая установка «Догнать и перегнать!». И даже в 1960-е гг., когда стало очевидным, что потенциал совершенствования механической машинной техники практически исчерпан, а рост производства и производительности труда возможен только на путях использования принципиально новых постиндустриальных средств производства, создаваемых на базе новейших достижений науки, и появления новых орудий труда, базирующихся на достижениях кибернетики, генетики и использования объектов и процессов микромира, ознаменовавших начало научно-технической революции (НТР), партия по-прежнему ориентировала общество на дублирование проверенных временем индустриальных производств. Хрущевская семилетка существенно затормозила темпы научно-технического развития, поскольку, отказавшись от внедрения новых производств, сосредото-

тачивалась на создании заводов-дублеров. За это время Запад сделал рывок в развитии новых технологий, сократить который Советский Союз оказался не в силах. Положение пытались исправить развитием сырьевого сектора экономики, но это лишь усилило разрыв в темпах научно-технического развития, зависимость страны от импорта новых технологий, продукции сельскохозяйственного и промышленного производства. Отставание в технологической гонке с Западом отразилось на авторитете и месте СССР в мире, на осознании гражданами проигрыша в соревновании с авангардом капитализма и их разочаровании в той форме реализации социалистических идей, которую проводила КПСС. Страна фактически оказалась в порочном кругу решения фундаментальных задач: «России приходилось одновременно догонять капитализм и убежать от него» (Кара-Мурза 2015: 149).

В сфере социально-экономических отношений советское общество в 1980-е гг. (по истечении примерно 60 лет с начала социальной революции) представляло собой следующее. Социально-классовая структура Страны Советов соответствовала структуре зрелого индустриального общества. Городское население, занятое в сфере промышленного производства и обслуживания, составляло большинство. На селе преобладали колхозное крестьянство и рабочие сельскохозяйственных предприятий – совхозов. Сложился довольно большой слой людей с высшим и средним специальным образованием – работники интеллектуального труда. Людей, занимающихся легальной индивидуальной предпринимательской деятельностью, практически не было. Нелегалы пробавлялись в основном спекуляцией, репетиторством, стоматологией, оказывали другие медицинские услуги, работали в строительных «шабашках» или в сфере теневой экономики. Однако они не оказывали существенного влияния на состояние социально-экономического бытия общества.

Особенно важно понять, каково было отношение советских людей к собственности, которое определяет всю совокупность общественных отношений в целом. Формально в стране существовал институт личной собственности. Последняя сводилась к имуществу, необходимому для поддержания жизнедеятельности конкретных людей: жилище, одежда, дача, автомобиль, приусадебный участок. Вся остальная собственность в стране: земля, недра, заводы, фабрики, леса, водные объекты – считались народным достоянием,

которым распоряжались государство и кооперативные организации (в первую очередь колхозы).

Государственные и кооперативные предприятия по закону управлялись выборными или назначаемыми свыше и утверждаемыми парткомами руководителями, которые должны были осуществлять коллегиальное руководство предприятиями, опираясь на собрания трудовых коллективов, профсоюзы, партийные и комсомольские комитеты и другие общественные структуры, существовавшие на предприятиях (ДОСААФ, народный контроль и т. п.). Общественные организации действительно работали и существенно влияли на производственные отношения в советском обществе. Этим влиянием они заметно отличались от системы общественных отношений в условиях классического капиталистического индустриального общества. Однако по существу госпредприятия и колхозы представляли собой модифицированный вариант государственной собственности, характерной для капиталистического способа производства на стадии индустриального развития. В. И. Ленин рассматривал сельские кооперативы как определенную форму госкапитализма (Ленин 1970: 225; Ойзерман 2003). Рабочие и служащие госпредприятий и колхозов практически не могли претендовать на часть этой собственности и самостоятельно распоряжаться ею (хотя согласно уставу колхозов члены имели на это формальное право). Классики марксизма сами неоднократно высказывались о том, что общественный строй с господством государственной формы собственности не имеет ничего общего ни с коммунизмом, ни с социализмом (Олейников 2010: 753, 754).

К. Маркс предупреждал, что директивное политико-юридическое обобществление в форме огосударствления частной собственности является обобществлением формальным (мнимой, иллюзорной коллективностью) и не решает проблему коренного изменения социально-экономических отношений, экономического базиса и социальной организации общества и, по большому счету, изменения сущности общественного способа производства. Формальное обобществление или огосударствление частной собственности может быть лишь предпосылкой для дальнейшего реального обобществления средств производства, открывающего возможность обобществления труда и производства на деле. Поскольку формальное обобществление означает установление государственной монополии, которую Маркс рассматривал как логический процесс завершения

развития частной собственности, то остановиться на огосударствлении собственности значило создать «грубый коммунизм», который выступает как «всеобщая частная собственность», как лишь завершение и обобщение развития частной собственности.

Портрет грубого коммунизма К. Маркс дал задолго до его практического воплощения в СССР и других странах «реального социализма». «Этот коммунизм... есть лишь последовательное выражение частной собственности... У него – определенная ограниченная мера... Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом» (Маркс 1974: 144, 115).

В силу устойчивости воспроизводства мобилизационных форм развития советской экономики, что было обусловлено периодическими войнами, потребностями ускоренного восстановления разрушенного и модернизации производства, а также гонкой вооружений, страна находилась в состоянии постоянного дефицита материальных средств производства, ресурсов, продовольствия, промышленных товаров народного потребления и т. п. Это делало постоянным редистрибутивный способ управления общественным достоянием. При этом государство, присваивая весь произведенный в обществе совокупный общественный продукт, перераспределяло его между потребителями вопреки провозглашенному принципу «Каждому по труду», а согласно принципу абстрактного равенства – обеспечения примерно равных условий удовлетворения необходимых потребностей поддержания жизни и воспроизводства рабочей силы. Этот принцип не имел ничего общего с социализмом. Его использовали все государства начиная с древнейших времен, когда стоял вопрос об их выживании в экстремальных условиях. В ходе Русской революции он лукаво трактовался как свойственный социализму принцип равенства (Стариков 1996).

К. Маркс, являвшийся «философом современного индустриального общества» (Рокмор 2011: 146), потерял интерес к разработке своей теории на стадии подготовки последнего тома «Капитала», когда он приблизился к пониманию сущности грядущих революционных перемен в развитии производительных сил и изменения места и роли пролетариата в производстве и обществе. КПСС же до конца оставалась ортодоксальным идеологом индуст-

стриального общества. Неслучайно ее все чаще называют «партией индустриализации» (Toffler 1980: 35). Фактически она выполняла одну из своих главных задач – обеспечивала создание индустриальной державы СССР, но остановилась в растерянности перед постиндустриальной перспективой развития общества, когда открывалась реальная возможность реализации задач его подлинно социалистических преобразований. Не разглядев перспективы научно-технического и социального развития общества, партия утратила авторитет, инициативу, идеологическую привлекательность, реальную власть, способность социального творчества и капитулировала под натиском сил, которые, выступая под лозунгом «Больше социализма!», требовали разгосударствления собственности и восстановления социальной справедливости, нарушенной в результате распоряжения ею государственной бюрократией. Реализация этих требований вылилась в приватизацию госсобственности теми, кто как раз и представлял собой советскую и партийную бюрократию. Столетняя эпопея социальной революции в России завершилась реставрацией капитализма на базе крупной машинной индустрии с незначительным удельным весом средств производства, развитие которых уже сейчас требует коренного изменения и существующих общественных отношений. Она завершилась, так и не осуществив перехода к новой форме социальной жизнедеятельности, новой общественной формации, теоретическое обоснование которой разработал К. Маркс и которую объективно не могли реализовать на практике большевики.

Трагизм Русской революции заключается в том, что имелся замысел построения социализма, но реально осуществилась лишь ускоренная индустриальная модернизация, была создана материально-техническая база, свойственная зрелому капиталистическому обществу. Но и она в силу кентаврийских особенностей производственных отношений и отсутствия зрелого субъекта капиталистического способа производства была разрушена в ходе приватизации госсобственности. Русская революция на новом витке своей эволюции вернулась к своему исходному предреволюционному состоянию, обусловленному следующим.

Для современной России характерно беспрецедентное противоречие между трудом и капиталом. В России мизерный процент лю-

дей распоряжается основным объемом богатства страны. Недра, земля, капитал, ресурсы находятся в частной собственности. Около четверти населения страны живет ниже официально признанной довольно низкой черты бедности. В ходе крушения СССР страна потеряла четверть своих в основном эффективных территорий, половину населения и половину производственных мощностей, оказалась в продовольственной и технико-технологической зависимости от других стран. При этом, напомним, Советский Союз реально являлся автаркической державой, то есть был способен самостоятельно обеспечивать все условия своего существования.

В России оказались разрушенными многие отрасли отечественного индустриального производства, машиностроения и приборостроения. В жалком состоянии находятся образование и высшая школа, система социальной защиты и социального обеспечения, многие виды медицинской помощи недоступны для большей части населения. Практически сведены на нет профсоюзы, политические партии и иные неподконтрольные власти общественные организации. Гражданского общества как не было, так и нет. Катастрофически велик разрыв в уровне жизни разных слоев населения страны. Пенсионеры получают жалкие пособия. Заработная плата и пенсии много ниже, чем в других странах. В целом в обществе нарастает недовольство существующим положением дел. Власти не без оснований опасаются протестных движений. Для их предотвращения принимаются всевозможные методы фрустрации и инфантилизации населения с целью облегчить манипуляцию людьми. Эта тактика чревата непредсказуемыми последствиями, ибо, с одной стороны, действительно препятствует становлению сознательного субъекта революционного действия, с другой же – превращает народ в толпу, способную на бунт, бессмысленный и беспощадный. Побочным следствием инфантилизации человека является рост количества «надсмотрщиков» – бюрократии, немыслимой без коррупции, которая парализует развитие общества (Дудник 2013: 243; Троцкий 2016: 99).

В силу названных обстоятельств и неспособности в условиях капитализма в принципе адекватно ответить на проблемы обеспечения дальнейшего развития общества, социальная напряженность будет нарастать. Весь мир и Россия стоят перед вызовом, обуслов-

ленным революцией в производительных силах, связанной с использованием принципиально новых орудий труда, овеществленных в нанотехнологиях. Эта революция с неизбежностью требует соответствующих производственных отношений и в конечном счете – становления качественно нового социального способа жизнедеятельности человечества. Сегодня на повестку дня вновь выходят проблемы, поставленные 100 лет назад, но не решенные Великой русской революцией.

В свете этого трагедия Русской революции обретает оптимистическое звучание. Несмотря на то, что в течение прошлого века в ходе развертывания революции и борьбы с ее противниками страна потеряла десятки миллионов человек (Козин 2002: 240), ее жертвы не напрасны. Эволюция социальной формы движения в тех условиях не могла в принципе развиваться другим путем. «Крах тоталитарной карикатуры на социализм не есть конец истории собственно социализма» (Вудс, Грант 2015: 24). Русская революция оптимистична в своей интенции, своими целями. Сейчас она подавлена, но она, по большому счету, преследовала благородные идеалы и цели. Миллионы советских людей искренно пытались сделать жизнь человека лучше. С самого начала Русской революции большевики считали, что в России в силу ее экономической отсталости она может победить только в более общем контексте мировой социалистической революции. Они четко осознавали возможность ее поражения. Тем не менее, согласно свидетельству Л. Д. Троцкого, В. И. Ленин неоднократно призывал «во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как... мы работаем не только для себя, но и для международной революции...» (цит. по: Троцкий 2017: 395).

В итоге мир во многом стал другим. В конечном счете Русская революция стала первой попыткой человечества выйти на траекторию реализации зрелого общества людей, способных творить свое бытие сознательно, начать истинную историю подлинного человеческого существования. Верно отмечает С. Г. Кара-Мурза: «Через революций, начатых в России, в других формах продолжается по всему миру. И у нас она не закончилась. Приглушенные на время проблемы встали вновь» (Кара-Мурза 2015: 149). Русская революция обречена на продолжение. Ниспровергатель всего и вся

Ж. Деррида уверен: «призрак коммунизма» испугал Запад. Последний делал все, чтобы изгнать его. После контрреволюции в России понадеялись, что этот призрак не вернется. Но без революции нет будущего (Деррида 2006: 31, 55–60).

Литература

Вудс, А., Грант, Т. 2015. *Бунтующий разум: Марксистская философия и современная наука*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». 599 с.

Деррида, Ж. 2006. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Логос-Альтера; Ессе homo. 256 с.

Докторов, Б. 2015. К 80-летию Жана Терентьевича Тощенко. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=8213>.

Дудник, С. И. 2013. *Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме*. СПб.: Наука. 304 с.

Есенин, С. 1969. *Стихотворения и поэмы*. М.: Дет. лит-ра. 176 с.

Ивин, А. А. 1997. *Введение в философию истории*. М.: ВЛАДОС. 288 с.

Кара-Мурза, С. Г. 2015. *Русский коммунизм: достижения и неудачи*. М.: Рус. биограф. ин-т; Ин-т экон. стратегий. 260 с.

Козин, Н. Г. 2002. *Постижение России. Опыт исторического анализа*. М.: Алгоритм. 653 с.

Кондрашов, П. Н. 2014. *Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса*. М.: ЛИБРОКОМ. 320 с.

Ленин, В. И. 1970. О продовольственном налоге. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 43. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 205–245.

Маркс, К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 41–174.

Ойзерман, Т. И. 2003. *Марксизм и утопизм*. М.: Прогресс-Традиция. 568 с.

Олейников, Ю. В. 2010. *Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы*. М.: Перспектива. 780 с.

Раскин, А. И. 2010. *Россия, или четвертый вопрос философии*. Минск: Экономпресс. 495 с.

Рокмор, Т. 2011. *Маркс против марксизма: Философия Карла Маркса*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». 400 с.

Солонин, М. 2005. *22 июня, или Когда началась Великая отечественная война?* М.: Эксмо; Яуза. 512 с.

Стариков, Е. Н. 1996. *Общество – казарма. От фараонов до наших дней*. Новосибирск: Сибирский хронограф. 420 с.

Струве, П. Б. 2000. Марксова теория социального развития. В: Колеров, М. А. (ред.), *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 год*. М.: ОГИ. С. 71–128.

Титаренко, Л. Г. 2013. Кентавризм – специфическая особенность современности? *Социологический журнал* 2: 172–178. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/391/365>.

Тощенко, Ж. Т. 2011. *Кентавр-проблема: опыт философского и социалистического анализа*. М.: Новый Хронограф. 552 с.

Троцкий, Л. Д.

1933. Классовая природа советского государства (Проблемы четвертого Интернационала). 1 октября 1932 г. *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)* 36–37. URL: <http://iskra-research.org/FI/BO/BO-36.shtml> (дата обращения: 19.04.2018).

2016. *Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?* М.: Книга по Требованию; T8RUGRAM. 172 с.

2017. *История русской революции. Октябрьская революция*. М.: Вече. 432 с.

Эфронсон, В. П. 2002. *Генетика гениальности*. М.: Тайдекс Ко. 376 с.

Toffler, A. 1980. *Die Zukunftschance: Von der Industriegesellschaft zu einer humaneren Zivilisation*. Muenchen: C. Bertelsmann Verlag. 510 S.